

Дэвид Скидмор

Перспективы глобализма: три возможных будущих для Европы и мира¹

Уже более десятилетия различные мыслители стремятся определить характер международных отношений в мире после окончания холодной войны. Какова их структура? Каковы характерные линии конфронтации и сотрудничества? Каковы движущие силы происходящих изменений? Многие дебаты сосредоточились на явлении глобализации. При отсутствии согласия во мнениях о характере нового глобального порядка, все они сходятся в одном: окончание холодной войны, совпавшее с ростом мировой политической, экономической и культурной интеграции, привело к столкновению интересов различных действующих лиц, таких, как государства, глобальные корпорации, террористические организации, международные наркокартели и транснациональные социальные движения.

Намного труднее предвидеть, приведет эта борьба к построению мирового порядка, в котором будет больше мира, справедливости и сотрудничества, или к миру насилия, несправедливости и конфликтов.

В этом очерке рассматриваются и подвергаются критическому анализу три точки зрения на проблему, высказанные в течение дебатов последнего времени: либеральный универсализм (мечта Фукуямы), культурный дистопизм (кошмар Хантингтона) и первоначальный глобализм (первоначальная мечта). В то время как все три позиции издавна укоренены в традициях мысли и практики, каждая из них представляет

¹ Этот очерк написан на основе Столнейкеровской лекции, прочитанной автором 25 сентября 2002 года в Университете Дрэйка в Дес-Мойнес, штате Айова, США. Более поздняя версия опубликована Скидмором в 2003 г.

собой одновременно и видение будущего, и план действий. Каждая будет проанализирована здесь с уважением к тексту первоисточника. Очерк завершается рассмотрением значения всех трех перспектив для нашего понимания новой Европы.

Либеральный универсализм

Возможно, наиболее известным представлением либерального универсалистского видения является широко обсуждавшееся эссе Фрэнсиса Фукуямы «Конец истории», появившееся в 1989 году и позже опубликованное отдельной книгой (Fukuyama 1989, 1992). Хотя до падения Берлинской стены оставались еще месяцы, Фукуяма сумел предвидеть окончание холодной войны и попытался осмыслить его значение. Ища опору своей мысли, он обратился к немецкому философу XVIII и XIX вв. Георгу Вильгельму Фридриху Гегелю. Гегель полагал, что историю приводит в движение столкновение идей. Беспорядочный хаос каждодневных событий может быть более глубоко переосмыслен как поиск социального порядка, построенного на принципах «чистой причины». Конечным пунктом в поиске такой универсальной причины и стало для Фукуямы окончание холодной войны. Победителем в этой войне стали не Соединенные Штаты, а идеалы, представляемые либеральным демократическим капитализмом. Вот как высказался по этому поводу сам Фукуяма: «То, чему мы, вероятно, свидетели, – не просто конец холодной войны или очередного периода послевоенной истории, но конец истории как таковой, завершение идеологической эволюции человечества и универсализации западной либеральной демократии как окончательной формы правления» (Fukuyama 1989).

Как проект социального порядка, либерализм покоится на двух столпах: демократии в политической сфере и рыночном капитализме в экономической. Демократические государства предоставляют гражданам выгоды от национального суверенитета, индивидуальных прав, правления законного и представительского правительства. Рынки предлагают наиболее эффективные механизмы для распределения ресурсов согласно человеческим потребностям. Фукуяма показывает, что сочетание демократии с рыночным капитализмом за два столетия доказало свое превосходство над целым рядом конкурирующих социальных порядков. Феодализм, фашизм и коммунизм были побеждены либерализмом и его защитниками.

С окончанием холодной войны не осталось никакой конкурирующей идеологии универсальных возможностей, которая могла бы бросить вызов гегемонии либерализма. И хотя каждодневный поток человеческих событий будет продолжаться, История, как человеческий поиск самого идеального социального порядка, достигла своего конца.

Последствия такого развития для международных отношений весьма глубоки. Вслед за более ранними мыслителями, такими, как Иммануил Кант (1983), Норман Энджел (1972) и Вудро Вильсон, Фукуяма доказал, что либерализм предоставил решение вековой проблемы войны². В либеральном мире торговля подменяет собой завоевания как вернейший маршрут к процветанию. Пользуясь всеобщими нормами и учреждениями, либеральные демократические государства решают конфликты через дипломатию, укрепляющиеся организации международного права и учреждение многосторонних институтов. Опасения и конкуренция открывают путь доверию и сотрудничеству. Либеральный мир стал бы мирным миром. Такова мечта Фукуямы: универсальная победа рационального либерального социального порядка.

Культурный дистопизм

После 11 сентября предположения Фукуямы об универсальной привлекательности либеральных идей могут показаться скорее принятием желаемого за действительное, чем реалистической оценкой. Стремясь осмыслить террористические нападения на Нью-Йорк и Вашингтон, многие ученые обратились к другому мыслителю, чье видение мирового порядка после окончания холодной войны в каком-то смысле полярно противоположно видению Фукуямы. В 1993 году известный политолог профессор Сэмюэль Хантингтон издал эссе под названием «Столкновение цивилизаций». Это весьма устрашающее название достаточно полно характеризует пессимистические пророчества, которые Хантингтон изложил в своей статье и вышедшей впоследствии книге (Huntington 1993, 1996a, 1996b). Однако само выражение было заимствовано у историка Бернарда Льюиса, который писал о наступающем «Столкновении цивилизаций» в своем

² Рассмотрение либеральной традиции в международной политике см. у Дойль (1986).

эссе «Корни мусульманского гнева», появившемся в 1990 году³. Оба, и Хантингтон и Льюис, возвращаются к более ранней традиции, связанной с именами таких мыслителей, как Освальд Шпенглер (Spengler 1991) и Арнольд Тойнби (Toynbee 1987), которые рассматривали историю через призму подъема и заката конкурирующих цивилизаций.

Дистопическое видение Хантингтона утверждает, что принципиальные политические расколы мира после окончания холодной войны сосредоточатся вдоль линий, разделяющих цивилизации между собой. Хотя государства и останутся центральными действующими лицами мировой политики, поведение союза государств будет в значительной степени диктоваться цивилизационной политикой. Подобия и различия в основных культурных ценностях будут служить главным указателем для различения друга и противника. Единство стран, разделяющих одинаковые и сходные культурные ценности и обязательства, повысится, в то время как конфликт на границах цивилизаций будет расти. Войны вдоль границ цивилизаций, где они входят в соприкосновение друг с другом, будут шириться в результате «сплочения родственных стран».

При всем многообразном характере, какой примет столкновение цивилизаций, важнейшая разделительная линия пройдет между западными сообществами и конкурирующими цивилизациями, которые Хантингтон перечисляет в своей работе. Западное культурное проникновение и политическое доминирование возбудили в других частях мира ответное негодование и усилили тяготение к незападным культурам. В то же время, относительное снижение экономической и демографической мощи Запада вызовет нарастание политических вызовов западной гегемонии со стороны развивающихся государств, представляющих конкурирующие цивилизации. Результатом будет усиление цивилизационного сознания среди незападных сообществ. Длительная гонка за технологической и экономической модернизацией будет сопровождаться усилиями, направленными на сопротивление культурной вестернизации и восстановление традиционных ценностей.

³ Роберт Каплан (Kaplan 1996) предлагает подобное же видение, доказывая, что силы фрагментации, вероятно, преодолеют силы интеграции в мировой политике. Бенджамин Барбер (Barber 1995) противопоставляет «джихад» «мак-миру», подчеркивая взаимосвязанный характер каждого из этих силовых очагов.

Тезис Хантингтона лучше всего может быть охарактеризован как «Запад против всех остальных». Наиболее знаменательно, что Хантингтон предсказывает будущий антизападный союз, объединяющий в себе нарастающую мощь Китая с растущим фундаментализмом исламского мира. Хантингтон отклоняет идею, что глобализация приведет к культурной конвергенции, и мало надеется на то, что культурный конфликт может быть преодолен посредством мультикультурализма или иных усилий, способствующих взаимному пониманию. Лучшая надежда для мира – возможность того, что устойчивое равновесие сил между главными цивилизационными блоками сможет сдерживать агрессию. Для того, чтобы это случилось, однако, государства и народы западного мира должны признать внешние опасности, перед лицом которых они очутились, и объединиться против них. Таким образом, Хантингтон предлагает нам абсолютный кошмар: мир насилия, где кипят межкультурные конфликты и ненависть.

Первоначальный глобализм

Наше третье глобальное видение, которое я обозначаю как первоначальный глобализм, покоится на различии между глобализацией сверху и глобализацией снизу. Согласно этому представлению, глобализация до настоящего времени была преимущественно процессом, управляемым корпоративными элитами и их политическими союзниками. Результаты были предсказуемы: быстрый рост предприятий с потогонной системой в странах третьего мира, повсеместное загрязнение окружающей среды, растущая международная задолженность бедных государств, ослабление социальных механизмов безопасности и создание все более и более мощных глобальных регулирующих учреждений, которые отвечают интересам капитала, без демократического надзора (Brecher, Costello 1998; Greider 1997).

Противоядием от перспективы первоначального глобализма является глобализация снизу. Этот проект подразумевает сплочение межнациональной солидарности граждан различных стран, что послужит противовесом власти корпораций и государств. Окончательная цель – создание глобального гражданского общества, основанного на добровольных, межнацио-

нальных связях индивидуумов и групп, стремящихся понять всеобщие интересы и ценности (Brecher, Costello, Smith 2000).

Наиболее удачное рассмотрение такого видения может быть найдено в книге Маргарет Кек и Кэтрин Сиккинк, которая называется «Активисты без границ» (Keck, Sikkink 1998). Кек и Сиккинк прослеживают историческое развитие межнациональных социальных движений со времени их происхождения в XIX столетии и начале XX столетия, когда такие причины, как противостояние порабощению, борьба за право голоса для женщин и кампания за прекращение бинтования ног женщинам в Китае, объединяли реформаторов различных стран. В более позднее время социальные и культурные изменения шестидесятых дали начало движениям за сохранение современного мира, окружающей среды, за права человека, женских и национально-освободительных движений. Снизившиеся за прошедшие два десятилетия барьеры на пути коммуникаций и передвижения позволили этим в основе своей национальным социальным движениям соединиться друг с другом, в то время как глобализация и увеличивающееся значение международных учреждений обеспечили необходимые к тому стимулы.

Результатом стало появление мощной межнациональной силы для глобальной реформы. Первоначальные глобалисты стремятся не полностью отменить глобализацию, но перенаправить ее по линиям, которые являются более демократическими, более содержательными и которые послужили бы более широкому диапазону интересов. Первоначальный глобализм предлагает перспективу перевернутого, мультикультурного популизма.

Критика Фукуямы

В каком из этих глобальных видений содержится наибольшая описательная и объяснительная сила для нашей попытки понять существующее и будущее развитие международной системы? Либеральная мечта Фукуямы, конечно, кажется вероятной. Сама история показала преимущества либерального демократического капитализма перед фашизмом или коммунизмом. К глобализации привело повсеместное стремление правительств за прошлые два десятилетия приватизировать принадлежащие государству отрасли промышленности, прекратить регулирование их экономик и удалить

барьеры на пути торговли и инвестиций. По-настоящему глобальный рынок появляется в пределах досягаемости. Недавняя волна демократизации распространилась по всей Латинской Америке, в прежнем советском блоке и в отдельных частях Африки и Азии. По сравнению с горсткой стран пятидесятилетней давности, теперь более чем шестьдесят процентов населения Земли наслаждается демократическим правлением – самый высокий процент, который когда-либо существовал (Diamond 1993). Исследования так называемого демократического мирного тезиса подтвердили, что демократические государства редко (если когда-либо вообще) вступают в войну с другими демократическими государствами. Ученые также нашли поддержку утверждению, что более высокие уровни экономической взаимозависимости связаны с более узкой сферой действия войны между нациями⁴.

И все же, десятилетие спустя после появления книги Фукуямы трудно поддерживать его оптимистическое видение с помощью либерального универсализма или оценки его остающейся мощи. Критики указали на многие недостатки либерального видения мира, включая несчастные последствия для окружающей среды либеральной веры в неограниченный экономический рост, а также угрозу того, что коммерциализация и вестернизация принимают вид культурного разнообразия. Однако наиболее изобличающей является, возможно, очевидность того, что глобализация рыночного капитализма производит рост экономического неравенства в пределах наций и между нациями, при концентрации политической власти в руках тех, кто управляет небольшой группой глобальных корпораций. Такая действительность грозит ростом социальной нестабильности при извращении демократических процессов правления. В ответ возникли новые формы сопротивления глобализации и ее несправедливым последствиям, о чем свидетельствуют уличные протесты, впервые проявившиеся во время встречи в 1999 году в Сиэтле Всемирной торговой организации (WTO) и с тех пор происходящие фактически при каждой глобальной встрече политических и экономических лидеров. Эта популистская обратная реакция, направленная против глобализации и ее последствий, вынуждает заново задуматься над либеральными послылками и ценностями.

⁴ Литература по этой теме большая, но Рассет (1993) и Браун, Линн-Джонс и Миллер (1996) могут служить репрезентативными примерами.

Переконцентрация богатства и власти на национальных и глобальных уровнях началась в конце 1970-х годов. Данные по Соединенным Штатам иллюстрируют этот процесс, который начал проявляться в других развитых странах. Кевин Филлипс в своей книге «Богатство и демократия» (Phillips 2002: xiii, 114, 125, 137, 153) приводит следующие данные:

За период с середины 1970-х до середины 1990-х 70% прироста прибылей перешло в руки 1% получателей прибылей, реальный доход повысился в пределах этой небольшой группы до 72%, при одновременном падении распределения прибылей на 60%.

При исследовании чистого капитала, а не прибылей, возникает еще более потрясающая картина: с 1982 до 1999 гг. собственный капитал 400 богатейших американцев вырос на 500%; та же картина для верхушки в 1% держателей богатства составляла 75% реального роста, в то время как чистый капитал тех, кто располагался в середине распределения, упал на 10% в течение этого периода.

В результате этих изменений доля богатства, сосредоточенного в руках 1% верхушки выросла с 20% в 1976 году до 40% в 1997 году.

В 1968 году соотношение среднего показателя полной компенсации CEO к среднему показателю ежегодной платы почасовым производственным рабочим было 25:1. К 1999 году это соотношение выросло до 419:1.

Подобный пример очевиден и на глобальном уровне. Зазор между богатыми странами Севера и развивающимися странами увеличился за прошлые два десятилетия (Milanovic 2002b). Главные исключения находятся в Азии, где в Китае и в горстке других стран региона произошел быстрый рост показателей. Даже здесь, однако, эффект смягчен теми фактами, что в Китае в течение этого самого периода быстро нарастало внутреннее неравенство, а во многих развивающихся странах Азии их более ранние достижения были сведены на нет азиатским финансовым кризисом 1997 года и его последствиями. В докладе программы развития ООН говорится, что «соотношение доходов пятой части мирового населения, живущего в самых богатых странах, и доходов пятой части мирового населения беднейших стран составлял 74:1 в 1997, 60:1 в 1990 и 30:1 в 1960 гг.» (*United Nations Development Programme* 1999: 3). При рассмотрении более длительного периода времени, нарастающее отставание бедных наций от

богатых выразилось в том факте, что в 1870 году ВВП, приходившийся в среднем на душу населения в 17 богатейших странах, в 2,4 раза превышал ВВП, приходившийся в среднем на душу населения во всех остальных странах; а к 1990 году это соотношение выросло до 4,5 : 1 (*Survey of the 20th Century* 1999: 27).

В абсолютном ли или относительном выражении, но глобальные различия в доходе, богатстве и уровне жизни стали тревожными.

Страны с высоким уровнем дохода включают 20% мирового населения, но на их долю приходится 86% мирового дохода, 82% экспорта и 68% прямых иностранных инвестиций (*United Nations Development Programme* 1999: 3).

Из 4,4 миллиардов людей, населяющих развивающиеся страны, 3,5 миллиарда проживают в условиях, не отвечающим основным санитарным нормам; 1/3 испытывают недостаток в безопасной питьевой воде; 1/4 не имеют нормального жилья; 1/5 голодают (Speth 1999: 14).

За прошедшие 15 лет доход на душу населения снизился более чем в 100 странах, а индивидуальное потребление снижалось примерно на 1% ежегодно более чем в 60 странах (Speth 1999: 13).

Почему неравенство так сильно возросло за последние годы и каковы возможные последствия этого? Чтобы ответить на эти вопросы, мы должны исследовать, каким образом глобализация исторически изменила равновесие различных социальных сил в глобальной экономике. Наше время - не начальная эра глобализации. Свободный рыночный либерализм конца XIX столетия вывел международную экономическую интеграцию на такие уровни, которые вполне способны соперничать с сегодняшними. Как и сегодня, политика попустительства того периода сопровождалась ростом неравенства, империализма, концентрацией промышленности и нарастанием классовой борьбы. Этот первичный либеральный порядок доказал свою нежизнеспособность и в конечном счете был уничтожен полу-столетием войн, революций, национализма и экономической нестабильности.

Вторичный либеральный международный порядок восстал из пепла второй мировой войны. Его архитекторы стремились избежать ошибок XIX столетия. Великий социальный теоретик Карл Полани (1944: 249) приписывал крах первого либерального порядка «конфликту между рынком и элементарными требованиями организованной социальной жизни». Либералы эры после окончания второй мировой войны не имели

никакого намерения, конечно, отказаться от рынка или международного экономического обмена. Они, однако, стремились ограничить социальное пространство внутренних и международных рынков и внедрить рынок в общественный договор между государством, капиталом и рабочей силой. Чтобы стать совместимым с социальным миром и международной стабильностью, капитализм должен был быть приручен⁵.

Внутри страны послевоенный порядок строился на основе социальной демократии, повлекшей за собой кейнсианское макроэкономическое правление и создание государства всеобщего благоденствия, прогрессивное налогообложение, государственную собственность в ключевых отраслях промышленности, регулирование большого бизнеса и признание профсоюзов и переговоров между предпринимателями и профсоюзами об условиях труда. В международном плане переход к мультилатерализму и постепенному снижению торговых барьеров сочетался с созданием охранительных механизмов, страхующих от передачи отрицательных экономических последствий от одной нации к другой, включая контроль за курсом валют, защиту стратегических и политически чувствительных секторов, ограничения на международные потоки капитала и гарантии против прилива импорта, угрожающего национальным производителям. Эти меры создали основание для поддержания существенной степени классового мира, социальной стабильности, экономического роста и консолидации либеральной демократии в продвинутом индустриальном мире.

Послевоенный порядок зависел, однако, и от поддержания некоторой степени национальной экономической автономии, особенно в плане финансовых потоков. Экономист Джон Майнард Кейнс доказал, что социальная демократия совместима со свободной торговлей, но не с безудержным потоком капитала через национальные границы, который подрывает государственный контроль над основными макроэкономическими принципами страны⁶. Однако крупные корпорации и банки раздражались из-за ограничений на их свободу вклады-

⁵ Этот и следующие два параграфа излагают аргументы, выдвинутые Рагги (1983).

⁶ По окончании второй мировой войны Кейнес испугался, что «свободные фонды понесутся через весь мир, дезорганизуя весь устойчивый бизнес.» Кейнес утверждал, что во избежание таких последствий «движение фондов капитала совершенно очевидно должно подвергаться регулированию, которое и само по себе повлечет далеко идущие отклонения от политики попустительства». Цит. по Могридж (1992: 673).

вать свой капитал за границей. Во время экономического спада 1970-х бизнес доказал, что пришло время освободить капитал от границ национального рынка и ослаблять регулируемую власть государства.

Выборы Рональда Рейгана и Маргарет Тэтчер в начале 1980-х годов ознаменовали собой переход от социальной демократии к неолиберализму. При неолиберализме роль государства снизилась и национальная экономическая автономия уступила место глобализации.

Политические последствия такого развития должны были нарушить общественный договор, лежавший в основе социального демократического порядка (Ruggie 1994). Баланс между государством, рабочей силой и капиталом решительно сместился в сторону последнего. С устранением контроля за капиталом и других видов ограничений капитал стал международно подвижным в большей степени, чем когда-либо прежде. Нельзя сказать того же ни о рабочей силе, чье передвижение через национальные границы остается строго регулируемым, ни о государстве, которое остается территориально целостным. Односторонняя способность капитала к выходу за пределы национальной экономики производит асимметрию. Поскольку капитал – ключевой компонент экономического роста, бизнес может сталкивать друг с другом рабочих и государство в различных странах в борьбе за инвестиции. В результате рабочие движения повсюду потеряли влияние, а способность государства регулировать капитал в общественных интересах была скомпрометирована (Andrews 1994).

В Соединенных Штатах, например, организованная рабочая сила сегодня представляет только приблизительно 14% рабочей силы по сравнению с 35% в середине 1950-х годов. Недавнее исследование Корнуэльского университета обнаружило, что 62% компаний по организации рабочей силы вызвано угрозой владельцев бизнеса переместить производство в страны с низкой заработной платой (Phillips 2002: 264). Угроза оттока капитала позволяет также корпорациям выигрывать правительственные концессии. Между 1986 и 1995 гг. средние налоговые нормы на капитал в индустриализованном мире снизились с 42% до 33%, в то время как налоги на доход рабочих среднего класса драматично возросли (*World Economy Survey* 1997: 33). В Соединенных Штатах доля

федерального дохода от налогов корпораций упала с 26,5% в 1950 году до 10,2% в 2000 году (Phillips 2002: 149).

Так что неудивительно, что текущая эпоха неолиберальной глобализации увидела возврат к росту капитала и девальвации труда, приведя к беспрецедентным уровням неравенства, как в пределах отдельных наций, так и в глобальном масштабе. За период между 1987 и 1995 гг., например, средняя производительность в американской экономике возросла на 15%. Но в течение того же периода общая прибыль, до вычета налогов, выросла на 80%, в то время как почасовая заработная плата в частном секторе промышленности выросла лишь на 3% (Phillips 2002: 156). Возросшее неравенство могло бы быть терпимо, если бы сопровождалось и увеличением показателей всеобщего экономического роста. Фактически, однако, экономические показатели роста за прошлые два десятилетия были почти повсеместно более низкими, чем в предшествующие два десятилетия⁷. Финансовая либерализация произвела также большую экономическую неустойчивость, особенно в развивающихся странах, где повторяющиеся финансовые кризисы постоянно расшатывают экономики стран Латинской Америки, Африки и Азии.

Распространение демократии в прошедшие два десятилетия стало долгожданным развитием, однако некоторые считают новые политические режимы, возникшие во многих развивающихся странах, демократиями «низкой интенсивности». В Латинской Америке, к примеру, неолиберальные реформы не только ослабили государство, но вследствие бесконечных долговых проблем государства вынуждены были поместить себя под эффективный контроль Международного валютного фонда (МВФ). Критические экономические решения диктуются не предпочтениями избирательского большинства внутри страны, а технократическими элитами в международных органах типа МВФ, Всемирного банка и Всемирной торговой организации, в которых, по словам нобелевского лауреата экономиста Джозефа Стиглица, «доминируют не только богатейшие индустриальные страны, но и коммерческие и финансовые интересы этих стран» (Stiglitz 2002: 18). Действительно, растущая власть таких международных

⁷ Миланович (2002а: 14–15) обращает внимание на то, что 95 опрошенных из группы в 124 человека испытали более высокие показатели экономического роста за период 1960–1978 гг., чем в течение двух последующих десятилетий, с 1978 по 1998 гг.

экономических учреждений в немалой степени отражает желание создать новые глобальные правила, которые охранили бы интересы капитала от возможных рисков за пределами относительно безопасных границ внутренних рынков в индустриализованном мире.

Если эти тенденции будут сохраняться, не нужен никакой магический кристалл, чтобы предвидеть сокрушительную социальную и политическую обратную реакцию, которая положит конец концу истории. Если сегодняшний неолиберальный порядок не будет поставлен под контроль относительно демократических сил, он может оказаться не более жизнеспособным, чем его предшественник XIX столетия, и превратить мечту Фукуямы в кошмар.

Критика Хантингтона

Не присутствуем ли мы уже при начале кошмара в виде хантингтонового столкновения цивилизаций? В конечном счете, любая оценка тезиса Хантингтона должна включать вопрос о том, вызывает ли глобализация схождение или расхождение различных культур и цивилизаций. Хантингтон, конечно, доказывает, что глобализация ведет к нарастанию конфликта, вынуждая людей, исповедующих существенно различные ценности, вступать в более частое соприкосновение друг с другом. Кроме того, он доказывает, что незападные цивилизации рассматривают глобализацию как навязываемую им западную схему управления их экономиками, которая оттесняет на второстепенное место их традиционные религиозные и культурные ценности.

Эти выводы покоятся на двух критических предположениях: 1) что члены каждой цивилизации отвечают на глобализацию однородным образом, 2) что доминирующий ответ на новые культурные методы и идеи – их отвержение. Ни одно из этих положений не бесспорно⁸.

Каждая из основных религиозных или культурных традиций исторически включает в себя как элементы, имеющие тенденцию к плюрализму, терпимости и открытости к более широкому миру, так и другие элементы, имеющие тенденцию к ортодоксальности, самоизоляции, нетерпимости и закрытости по отношению к посторонним. И в каждом случае баланс

⁸ Более пространственный критический анализ тезиса Хантингтона см. у Скидмор (1998).

и интенсивность конфликта между этими тенденциями со временем менялись. Вообще тенденция к самоизоляции особенно сильна в тот момент, когда общество сталкивается с внешней угрозой, а тенденция к открытости особенно набирает силу в те моменты, когда сотрудничество с другими предоставляет вознаграждение и определенные возможности⁹.

Центральная действительность глобализации такова, что она представляет угрозу для некоторых и возможности для других. В пределах каждой цивилизации имеются те, кто обладает правильными навыками и активами, чтобы извлечь пользу от глобализации, и другие, кто будет оттесняться ею на второй план. Поэтому наиболее важный эффект глобализации состоит не в том, что она сталкивает цивилизации друг с другом, а в том, что она углубляет разногласия внутри каждой цивилизации – между теми, кто одобряет открытость и культурный плюрализм, и теми, кто тяготеет к самоизоляции и культурной однородности. Именно в последней группе, состоящей из тех, чьи интересы отодвигаются глобализацией на второй план, мы и находим материал для роста фундаменталистских религиозных и культурных движений, будь то христианских, еврейских, исламских или индуистских.

Обоснованно обращая внимание на нарастание культурного конфликта, Хантингтон в то же время допускает ошибку, полагая, что линия раскола проходит между различными цивилизациями. А между тем, критическое столкновение происходит между группами одной цивилизации – между теми, кто открыт для культурного обмена и сотрудничества, и теми, кто их отвергает¹⁰.

Это очевидно, например, если мы исследуем исламский мир, который изображается Хантингтоном и другими как единый в своей враждебности по отношению к Западу. Исламу как религии не неотъемлемо присуща замкнутость или ксенофобия. Святой Коран внушает мусульманам: «Мы создали вас от единственной пары мужчины и женщины и превратили вас в нации и племена, чтобы вы познали друг друга, а не для того, чтобы вы презирали друг друга» (Коран 49:13).

⁹ Эта тема выделяется и иллюстрируется в очерке Кокс (1997) о дипломатических традициях трех главных цивилизаций: Хассан Ханафи (Исламский мир), Сатиш Чандра (Индия) и Хонгуинг Ванг (Китай).

¹⁰ Это может помочь объяснить заявления Онила и Рассетта (2003), которые полагают, что конфликты внутри цивилизационных групп нередко более часты, чем конфликты между цивилизациями. См. также Онил Д. Р., Рассетт Б. *Подтверждает ли «война против терроризма» тезис о «столкновении цивилизаций?»* Анализ некоторых свидетельств // Европа, Т. 2, № 4 (5), 2002.

Хантингтон рассматривает Боснийскую войну как опытный пример столкновения цивилизаций. Однако следует отметить, что среди трех воюющих сторон в этом конфликте именно боснийское мусульманское правительство наиболее внятно защищало ценности терпимости, демократии и этнического и религиозного плюрализма. В качестве примера «сплочения родственных стран» Хантингтон ссылается на призыв Саддама Хуссейна к исламской солидарности против западного империализма накануне войны в Персидском заливе в 1991 году. Однако Хантингтон забывает упомянуть, что этот циничный пропагандистский трюк провалился и что большинство арабских государств, как и страны, представлявшие другие главные цивилизации, поддержали усилия коалиции, направленные на полное уничтожение иракской агрессии против Кувейта.

В то время как Усама бен Ладен и Талибан утверждали, что говорят от имени всего исламского мира в своих обвинениях и нападках на Запад, гораздо менее был отмечен тот факт, что большинство афганцев приветствовало ниспровержение Талибана и изгнание Аль-Каиды из их страны. Это правда, конечно, что антиамериканизм быстро набирает силу на улицах арабского мира. Однако опросы в арабских странах показывают, что большинство отвергает представление о том, что Ислам и Запад столкнулись друг с другом как две цивилизации. Рассмотрите, к примеру, недавний опрос 5 000 молодых людей в возрасте 15–25 лет из девяти мусульманских арабских стран, которых просили назвать «страну, о которой Вы больше всего мечтаете». Самым частым ответом, намного опередившим остальные, были Соединенные Штаты (British Council 2002). Другой опрос мусульман в девяти государствах Ближнего Востока выявил, что подавляющее большинство имело благоприятные представления об американской культуре, но семеро из десяти осуждали американскую политику в отношении арабских стран (PEW Research Center 2002). Безотносительно к собственным побуждениям Усамы бен Ладена, средний человек в арабских странах возмущается не самими американцами, а тем, что они делают¹¹.

¹¹ Обратите внимание, что подавляющее большинство американцев, интервьюируемых в ходе одного из опросов после 11 сентября, также отклонили представление о том, что Запад и исламский мир вовлечены в «столкновение цивилизаций». 67,6% согласились с тем, что для Америки и исламского мира возможно найти «точки соприкосновения», в то время как только 26% согласились с тем, что «сильный конфликт» неизбежен, поскольку Ислам «нетерпим и существенно несовместим с западной культурой» (Program on International Policy Attitudes 2001).

Ничто из этого не отрицает того факта, что в исламском мире существуют меньшинства, которые стремятся навязать фундаменталистскую интерпретацию ислама своим согражданам и прибегать к насилию, борясь с нежелательными внешними политическими, экономическими и культурными влияниями. Не удивительно, что в условиях экономического застоя, крайнего неравенства и репрессивных политических режимов возникают такие движения. Но гораздо в меньшей степени отмечается на Западе то, что в этой части мира существуют также и народные движения, стремящиеся к большей демократии и открытости, как, например, в Иране. К сожалению, эти движения получают немного поддержки от правительства Соединенных Штатов, которое попустительствует недемократическому характеру многих своих союзников в регионе, пока те проводят проамериканскую политику. В сумме процессы глобализации и модернизации порождают интенсивные и противоречивые давления в пределах исламских сообществ Ближнего Востока. И эта сложность бросает вызов упрощенному взгляду на «столкновение цивилизаций», тезис, предлагаемый Хантингтоном.

Отвечая на вопрос о том, ведет ли глобализация к культурному схождению или расхождению цивилизаций, мы должны говорить, что оба явления встречаются одновременно. Каждая цивилизация содержит в себе как элементы, которые являются открытыми для культурного обмена с другими, так и элементы, которые стремятся к сохранению культурной чистоты. Глобализация усиливает внутренний конфликт в пределах каждой цивилизации между этими двумя силовыми очагами.

Первичный глобализм

Если культурный фундаментализм представляет собой одну из форм ответа на неолиберальную глобализацию, то первичный глобализм представляет собой другую¹². Основные проводники такого видения – межнациональные неправительственные организации, вроде Международной амнистии и Гринписа. Рост числа межнациональных неправительственных организаций (НПО) за прошлые два десятилетия

¹² Подробнее о межнациональных социальных движениях, вроде тех, что рассматривались в этом разделе, см. Смит et al. (1997) и Броуд (2002).

был внушительным: от 1 000 в 1980 году до 5 500 в 1996 году (Simmons 1998: 89; также см. Mathews 1997). Таким же было и их воздействие на международную политику. Международные правозащитные организации сыграли главную роль в закладывании основ множества важных международных соглашений, включая Киотское глобальное соглашение о снижении выбросов парниковых газов, создание Международного уголовного суда, конвенцию о запрещении противопехотных мин и недавнюю многостороннюю инициативу облегчения долгового бремени для бедных стран. Неправительственные организации также подтолкнули, с некоторым успехом, международные финансовые учреждения и глобальные корпорации к принятию реформ, предназначенных к разрешению проблем бедности, защите прав рабочих и окружающей среды.

Джозеф Стиглиц, прежний главный экономист Всемирного Банка, доказывал, что «именно деятели профсоюзного движения, студенты, защитники окружающей среды – обычные граждане, вышедшие на улицы Праги, Сиэтла, Вашингтона и Генуи, вынудили внести в повестку дня развитого мира необходимость реформ» (Stiglitz 2002: 9).

Как правило, неправительственные организации разворачивают свои кампании через децентрализованное сотрудничество сотен независимых групп. Неиерархическая структура межнациональных сетей активистов в области защиты – и их сила, и слабость. С одной стороны, рассеянные сети обладают огромной дееспособностью. В короткие и средние сроки сети неправительственных организаций могут мобилизовать значительную информацию, экспертные силы, деньги и работников, как только ими идентифицируется отдельно взятая цель. Сети гибки, эластичны и эффективны.

С другой стороны, подвижные коалиции политиков неправительственных организаций не позволяют накапливать долгосрочную власть в институциональной форме. По достижении непосредственной цели, вроде принятия международного соглашения, коалиции, как правило, расформируются или перегруппировываются в различных конфигурациях вокруг новых целей. Группы часто различаются по идеологии, целям и тактике, а также борются друг с другом за деньги, добровольцев, внимание средств массовой информации и правительственную поддержку. Эти организационные реалии ослабляют эффективность движения – особенно в части доверия к группам, основанным на привлекательности

своих обязательств по отношению к высоким моральным принципам и легко компрометирующим себя публичной демонстрацией поведения, замкнутого на собственной выгоде (Cooley, Ron 2002). Разнообразие и децентрализация также делают возможным для правительств или других властей предержащих разделение популярных коалиций через стратегии кооптации.

Первоначальный глобализм сталкивается с противоречиями и на уровне перекрытия целей. Цель создания глобального гражданского общества, в котором сильные сообщества с проницаемыми межнациональными границами стали бы каждодневной действительностью для большинства людей, остается отдаленной мечтой. За пределами небольшого, но существенного организма основных активистов и сочувствующих им большинство людей в большинстве сообществ продолжает предпочитать местную самоидентификацию глобальной. Вот почему межнациональные движения особенно эффективны, когда они могут устанавливать вероятные связи между глобальными проблемами и разнообразными наборами местных проблем, затрагивающими активные интересы средних людей.

Возможно, наиболее важная перекрывающаяся цель первоначальных глобалистов состоит в том, чтобы снова заключить глобальный рынок в пределы структур демократической ответственности. Однако в преследовании такой цели заключается парадокс. Государства исторически служили основными учреждениями для осуществления демократических форм правления. В глобальной же экономике капитал частично освободился от контроля национальных властей. Очевидное решение состоит в том, чтобы создать новые формы регулирования на глобальном уровне. Однако это требует успешного коллективного действия группы почти из 200 государств, каждое из которых столкнется с искушением привлечь капитал-перебежчик к себе, обманув любую систему глобального регулирования или дезертировав из нее. Мультилатеральное правление также сталкивается с сопротивлением со стороны правительства самого мощного мирового государства, Соединенных Штатов, которое недавно перешло на путь унилатеральной внешней политики, открыто враждебной строительству сильных глобальных учреждений.

Более того, теперь не существует никакой системы для прямого представления народных интересов на уровне гло-

бальных учреждений, которые являются порождениями государств и предназначены выказывать большую отзывчивость к корпоративным и элитарным интересам, чем к народным давлениям. Предложения демократизировать глобальные учреждения, дав в них прямое представительство неправительственным организациям, сталкиваются с той проблемой, что эти группы и сами редко являются демократическими. Большинству неправительственных организаций недостает внутренней системы демократического представительства, которая приводила бы к ответственности их лидеров за тех, чьи интересы они, по их словам, защищают. Как преодолеть этот демократический дефицит в создании глобальных учреждений, остается нерешенной загадкой.

Альтернативой глобальному регулированию должно стать подтверждение контроля над капиталом на национальном уровне через воссоздание власти индивидуальных государств. В то время как существуют, конечно, значительные возможности для действия на национальном уровне, такое решение также представляет проблему. Действующее в одиночку государство подвергается риску быстрого оттока капитала и возмездия со стороны других государств, чьи интересы могут пострадать в результате перерегулирования. Широко распространенные, но нескоординированные движения за подтверждение национального уровня контроля могут повлечь огромные затраты в результате разрыва основополагающей ткани глобальной торговли, созданной благодаря механизмам глобализации.

Наиболее вероятно, что новое включение глобальной экономики в систему демократической ответственности потребует многоуровневого подхода: строгого обязательного мониторинга корпоративного и государственного поведения со стороны гражданского общества, возрождения государственного контроля на национальном уровне, что на глобальном уровне должно привести к созданию более плотной сети учреждений, более открытых, представительских и демократических по своей природе.

В принципе, первоначальный глобализм обещает восстановить баланс между соперничающими социальными силами, через глобализацию снизу обеспечив мультикультурную альтернативу национализму, этическому и религиозному фундаментализму как ответам на давление глобализации и модернизации. Ясно, что это – наиболее обнадеживающая

перспектива из всех трех, рассмотренных выше, но ясно и то, что ее реализация потребует длинного и трудного пути.

Три видения и Новая Европа

Каково значение этих трех перспектив для понимания политической динамики новой Европы? Так или иначе Европа – особенно ее западная часть – предоставляет величайшую возможность подтвердить жизнеспособность либеральной универсалистской мечты Фукуямы. Некогда разделенная могущественными политиками, религиозной и идеологической борьбой и столетиями войн, Западная Европа последних десятилетий служила призывным островом мирного сотрудничества, демократической стабильности, преуспевающего рыночного капитализма и наднациональной интеграции. С окончанием холодной войны страны Центральной и Восточной Европы устремились к демократическим капиталистическим моделям, демонстрируемым в западной части континента, в то время как расширение НАТО и Европейского Союза поместило большую часть Европы под комплекс общих защитных институтов.

Эти исторические достижения не могут быть минимизированы или отклонены. Однако даже в Европе, гораздо менее, чем за ее пределами, либеральный проект сталкивается с существенными вызовами и противоречиями. Наднациональные учреждения Европейского Союза поражены дефицитом демократии. Обзоры и референдумы в стране за страной выявляют мощные потоки народных подозрений в том, что европейская интеграция по-прежнему остается процессом, управляемым элитой и лишь слабо умеряемым демократическим контролем и ответственностью. В то время как глобализация привела к стагнации заработной платы в неолиберальном климате Соединенных Штатов, те же самые силы породили высокий уровень структурной безработицы в социальных демократических экономиках Европы. В результате нарастают тенденции к урезанию хваленых европейских программ социального обеспечения и учреждению американского стиля «трудовой гибкости». Не удивительно, что в результате народное сопротивление экономической глобализации стало постоянной особенностью европейского политического пейзажа.

Рост экономического напряжения принял и другую форму – усиление крайне правых националистических и антииммигрантских партий и движений во многих странах. Возрождение националистических политических движений в Австрии, Италии, Франции и Нидерландах в недавние годы подвергло сомнению универсальный триумф либеральных ценностей в Европе. В то время как иммигранты сталкиваются с растущей нетерпимостью в центре европейских земель, внешние границы новой Европы очерчиваются таким образом, чтобы исключить тех, кого считают в настоящее время культурно «иными». Бывший французский президент Валери Жискар д'Эстен недавно заявил, что Турция – «неевропейская страна» и что допущение Турции в Европейский Союз означало бы «конец Европы» (Sciolino 2002). Точно так же, в связи с возможным членством Турции в Европейском Союзе, Папа Римский Иоанн Павел II напомнил европейским лидерам о том, что «общий европейский дом» был «сцементирован таким необыкновенным религиозным, культурным и духовным наследием, которое делало Европу великой на протяжении веков» (Sciolino 2002).

Такие чувства служат как бы ироническим вывихом хантингтонова тезиса о столкновении цивилизаций. В то время как вопрос о том, кто может рассматриваться как часть новой Европы, несет существенную культурную нагрузку, трудность состоит в том, как полагал Хантингтон, что европейцам необходимо справиться с враждебностью своих соседей к Западу. Напротив, проблема состоит в том, что русские, турки и, возможно, другие незападные народы сталкиваются с потрясающими препятствиями в своем желании стать частью изменившей свои очертания мультикультурной Европы. Поскольку европейцы борются за определение своих взаимоотношений с растущими поселениями иммигрантов у себя дома и со своими мусульманскими и славянскими соседями, они столкнутся с совершенно очевидным выбором, какого не ожидали ни Фукуяма, ни Хантингтон: Европа может остаться либеральной или западной, но, возможно, не останется ни той, ни другой.

Перспектива первоначального глобализма остается основополагающей, если Европа хочет решить эти противоречия таким образом, который позволит ей сохранить лучшее из ее либерального наследия при ответе на вызов мультикультурализма и глобализации. Самая возможность объединенной

Европы стала плодом первичных народных движений. В течение восьмидесятых годов западное движение за мир верило в будущее Европы после окончания холодной войны и вынуждало администрацию Рейгана смягчать большую часть ее угрожающей риторики холодной войны и политики. Обращаясь к ястребам холодной войны в натовских странах, Михаил Горбачев имел свободу начать односторонние шаги к сворачиванию холодной войны, меньше всего опасаясь, что западные лидеры извлекут для себя выгоду от советских уступок. Западный мир и группы борцов за права человека также поддержали и рост первичных демократических движений на Востоке, который в конечном счете преуспел в свержении коммунистических режимов в значительной степени мирными средствами. Слияние народных движений за мир, демократию и права человека и на Востоке, и на Западе сыграло главную роль в окончании холодной войны и движении к объединенной Европе (Meuer 1993). Такая же яркая, переворачивающая политика послужит и европейцам в их стремлении к более демократическому и социально справедливому качеству либерализма и избеганию западни культурного шовинизма.

Заключение

Обзор всех трех перспектив – попытка с помощью мнений различных авторов охватить весь комплекс и многообразные последствия глобализации и модернизации. Глобализация по своей сути связана с экспансией капитализма. В современном дискурсе, когда мы используем термин капитализм, мы стремимся думать о таком рынке, который внушает нам благодатные образы добровольного обмена среди равных. Но эта формулировка затеняет неизбежный классовый характер капитализма. Тем, кто владеет средствами производства и контролирует их, дано и привилегированное место в капиталистическом обществе. В результате капиталистические порядки, как правило, ведут к концентрации экономической и политической власти.

Но гегемонии капитала всегда бросался вызов. Народные движения всегда стремились противостоять власти капитала, в значительной степени через коллективную самоорганизацию и борьбу за демократию. После более чем столетней борьбы социальные демократические правительства, появившиеся в

Северной Америке и Западной Европе по окончании второй мировой войны, послужили относительно успешным средством борьбы со злоупотреблениями капитализма и создания более справедливых, более сбалансированных обществ.

Теперь глобализация освободила капитал от социального договора, который сдерживал его власть в течение послевоенной эры. В результате мы проходим через период относительно несмягченной капиталистической экспансии. Это также не осталось без ответа. Народные движения против глобализации приняли две характерных формы: фундаменталистских культурных движений за самоизоляцию и межнациональных социальных движений за усиление демократического контроля над капиталом как на национальном, так и на глобальном уровне.

Одна вещь кажется очевидной. Проект глобализации, основанный на подчинении всех конкурирующих человеческих ценностей рыночным императивам, – нежизнеспособен. Единственной альтернативой ему будет устойчивый рост националистических, этнических и религиозных фундаменталистских сил, способный привести к насильственному демонтажу проекта глобализации такими способами, которые напомнят нам о первой половине XX столетия. Вернейший способ избежать этого кошмара состоит в том, чтобы прекратить мечтать и приняться за построение более справедливого и демократического глобального порядка, основанного на глобализации снизу. Другими словами, мы должны начать думать о себе непосредственно как о гражданах глобального мира, которые индивидуально и все вместе ответственны за свое общее будущее.

Использованная литература

- Andrews, D., 1994, *Capital Mobility and State Autonomy: Toward a Structural Theory of International Monetary Relations*, "International Studies Quarterly", June.
- Angell, N., 1972, *The Great Illusion: A Study of the Relation of Military Power in Nations to their Social and Economic Advantage*, Garland.
- Barber, B., 1995, *Jihad vs. McWorld: How Globalism and Tribalism are Reshaping the World*, New York: Times Books.

- Brecher, J., T. Costello, 1998, *Global Village or Global Pillage: Economic Reconstruction from the Bottom Up*, Cambridge: South End Press.
- Brecher, J., T. Costello, B. Smith, 2000, *Globalization from Below: The Power of Solidarity*, Cambridge: South End Press.
- British Council, 2002, *Connecting Futures Research*. Available at: <http://www.connectingfutures.com/research/> (accessed September 21, 2002).
- Broad, R. , 2002, *Global Backlash: Citizen Initiatives for a Just World Economy*, Boulder: Rowman and Littlefield.
- Brown, M., S.M. Lynn-Jones, S. Miller, 1996, *Debating the Democratic Peace*, Cambridge: MIT Press.
- Cox, R.W. (ed.), 1997, *The New Realism: Perspectives on Multilateralism and World Order*, New York: St. Martins Press/United Nations University Press.
- Cooley, A., J. Ron, 2002, *The NGO Scramble: Organizational Insecurity and the Political Economy of Transnational Action*, "International Security", Summer.
- Diamond, L., 1993, *The Globalization of Democracy*, in: R.O. Slater, B.M. Schutz, S. Dorr (eds.), *Global Transformation and the Third World*, Boulder: Lynne Rienner.
- Doyle, M., 1986, *Liberalism and World Politics*, "American Political Science Review", December.
- Fukuyama, F., 1989, *The End of History? "The National Interest"*, Summer.
- , 1992, *The End of History and the Last Man*, New York: Avon.
- Greider, W., 1997, *One World, Ready or Not: The Manic Logic of Global Capitalism*, New York: Simon and Schuster.
- Huntington, S.P., 1993, *The Clash of Civilizations?* "Foreign Affairs", Fall.
- , 1996a, *The West: Unique, Not Universal*, "Foreign Affairs", November/December.
- , 1996b, *The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order*, New York: Simon and Schuster.
- Kant, I., 1785, *Perpetual Peace and Other Essays on Politics, History, and Morals*, translated by Ted Humphrey, London: Hackett.
- Kaplan, R., 1996, *The Ends of the Earth: A Journey at the Dawn of the 21st Century*, New York: Random House.
- Keck, M., K. Sikkink, 1998, *Activists Beyond Borders: Advocacy Networks in International Politics*, Ithaca, Cornell University Press.

- Lewis, B., 1990, *The Roots of Muslim Rage*, "The Atlantic Monthly", September.
- Mathews, J., 1997, *Power Shift*, "Foreign Affairs", January/February.
- Meyer, D.S., 1993, *Below, Beyond, Beside the State: Peace and Human Rights Movements and the End of the Cold War*, in: David Skidmore and Valerie Hudson (eds.), *The Limits of State Autonomy: Societal Groups and Foreign Policy Formulation*, Boulder: Westview Press.
- Milanovic, B., 2002a, *The Two Faces of Globalization: Against Globalization as We Know It*, manuscript, (downloadable at <http://www.worldbank.org/research/inequality/pdf/naiveglob1.pdf>).
- , 2002b, *True World Income Distribution: 1988 and 1993: First Calculations Based on Household Surveys Alone*, "Economic Journal", January.
- Moggridge, D.E., 1992, *Maynard Keynes: An Economist's Biography*, London: Routledge.
- Oneal, J.R., B. Russett, 2003, *Does the 'War Against Terrorism' Prove the 'Clash of Civilizations' Right? Some Evidence*, in: Peter Herrmann and Arno Tausch (eds.), *Dar al Islam: Europe, the World System and the Ultimate EU-Enlargement*, Hauppauge: Nova Scotia Publishers.
- , 2002, *Подтверждает ли «война против терроризма» тезис о «столкновении цивилизаций?» Анализ некоторых свидетельств // Европа, Т. 2, № 4 (5).*
- PEW Research Center for the People and the Press, 2002, *PEW Global Attitudes Project*, "Preliminary Project Analysis released on April 29". Available at: <http://people-press.org/commentary/display.php3?AnalysisID=46> (accessed September 21, 2002).
- Phillips, K., 2002, *Wealth and Democracy: A Political History of the American Rich*, New York: Broadway Books.
- Polanyi, K., 1944, *The Great Transformation: The Political and Economic Origins of Our Time*, New York: Farrar and Rinehart.
- Program on International Policy Attitudes, 2001, *Americans on the War on Terrorism*, survey dates: November 1–4. Available at: <http://www.pipa.org/OnlineReports/Terrorism/questionnaire.html> (accessed September 21, 2002).
- Ruggie, J.G., 1983, *International Regimes, Transactions and Change: Embedded Liberalism in the Postwar Economic Order*, in: Stephen

- Krasner (ed.), *International Regimes*, Ithica: Cornell University Press.
- , 1994, *Trade, Protectionism and the Future of Welfare Capitalism*, "Journal of International Affairs", Summer.
- Russett, B., 1993, *Grasping the Democratic Peace: Principles for a Post-Cold War World*, Princeton, N.J.: Princeton University Press.
- Sciololino, E., 2002, *New Leader Tries to Sell Turkey (and Himself) to Europeans*, "New York Times", November 21.
- Simmons, P.J., 1998, *Learning to Live with NGOs*, "Foreign Policy", Fall.
- Skidmore, D., 1998, *Huntington's Clash Revisited*, "Journal of World Systems Research", Fall.
- , 2003, *Fukayama's Dream, Huntington's Nightmare and a Grassroots Reverie*, in: Peter Herrmann and Arno Tausch (eds.), *Dar al Islam: Europe, the World System and the Ultimate EU-Enlargement*, Hauppauge: Nova Scotia Publishers.
- Smith, J., C. Chatfield, R. Pagnucco, C. Chatfield (eds.), 1997, *Transnational Social Movements and Global Politics: Solidarity Beyond the State*, Syracuse: Syracuse University Press.
- Spengler, O., 1991, *The Decline of the West*, Oxford: Oxford University Press,.
- Speth, J.G., 1999, *The Plight of the Poor*, "Foreign Affairs", May/June.
- Stiglitz, J., 2002, *Globalization and Its Discontents*, New York: W.W. Norton.
- Survey of the 20th Century*, 1999, "The Economist", September 11.
- Toynbee, A., 1987, *A Study of History*, Oxford: Oxford University Press, abridged version of volumes I-VI.
- United Nations Development Programme*, 1999, "Human Development Report 1999", New York: Oxford University Press.
- World Economy Survey*, 1997, "The Economist", September 20.

С английского перевел А. Горлов
(перевод неавторизованный)